

18+

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Супергеройская
фантастика

лучшие рассказы конкурса
«Супер»

Алексей Сергеевич Жарков
Избранные. Супергеройская
фантастика
Серия «Конкурс Квazar»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220750
ISBN 9785449614186

Аннотация

Таких супергероев вы еще не видели! Как может спасти мир наложница императора и что она такое на самом деле? Кем сделает инопланетный вирус космонавтов? В тихом омуте... водятся совсем не черти, а кто? Сможет ли охотник за силой обрести суперсилу загадочного «уравнителя»? Зачем простому метеорологу понадобилось во что бы то ни стало выиграть в домино? Как захватить мир, если ты киборг, а все кругом потеряли память? Стать супергероем или суперзлодеем? Теперь вы заглянете в наш суперсильный сборник?

Содержание

Игры Разума	7
Супергерой узкой специализации	31
Эзра	39
Белый танец	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Избранные Супергеройская фантастика

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Иллюстратор Елена Попова

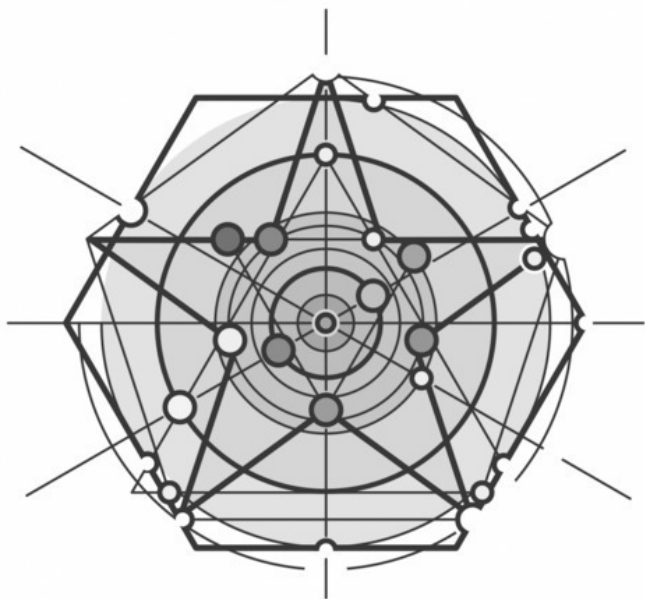
Редактор Алексей Жарков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2019

© Елена Попова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-1418-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Игры Разума

Андрей Ваон

Столичные синоптики выдали штормовое предупреждение – грозили настоящим ураганом. Все послушно попрытались. Казалось, город вымер.

На метеостанции «Балчуг» после авральных прогностических работ царило затишье.

– Да говорят же тебе! – шумел Серёжа Гусев, молодой метеоролог, только недавно выпустившийся с геофака. Щуплый, в очках, он больше походил на старшеклассника.

– Да ну, бред. – Лениво отмахивался от него солидный и круглый Вова Ляхов, однокашник Гусева. Серёжа его не любил, но на новом месте они держались рядом.

– А ты думал, он в домино только играет? – Не унимался Серёжа, расхаживая по комнате.

– Разум-то? – хмыкнул Вова.

Он развалился в кресле и крутил в руках карандаш.

– Какой он тебе Разум? – возмутился Серёжа.

– Ой, ладно – Разум Петрович. – Зевнул Вова. – И чего у него кроме домино?

Серёжа заозирался, ходить перестал и тихо, почти шёпотом сказал:

– Мне кажется, что это он ураган наделал.

– Брехня! – Снова махнул рукой Вова. – Чего он тогда снег летом не наколдует, а?

Серёжа наморщил лоб в раздумьях, потом подскочил к Вове и, схватив того за руку, сказал:

– Пошли! – И потянул вялого толстяка в коридор.

Они постучались в дверь с надписью «Тихих Разум Петрович – Директор» и вошли.

Лысый старик с седыми бакенбардами задумчиво стоял, опёршись о круглый стол в центре большой комнаты. На столе были навалены карты большого формата. Старик обернулся.

– А, студенты! – Задумчивость с лица директора улетучилась, появилась хитрая улыбка. – Партейку? – Он подошёл к шкафу и достал оттуда громыхнувшую коробку с костяшками.

– Обязательно, Разум Петрович, – волнуясь, ответил Серёжа. – Только скажите... это вы?

– Что – я? – спросил директор.

– Ну, это... – Серёжа изобразил рукой вихрь.

– Ураган-то? – Директор улыбнулся. – Ребятки, не верьте слухам. В эти игрульки я давно не играю. Давайте, садитесь лучше! – Он сдвинул разрисованные листы в сторону и высыпал на стол кости.

Тут Вова засуетился, закрутился толстым телом и достал из кармана широких брюк телефон.

– Прошу прощения, – почему-то шёпотом сказал он и вы-

полз за дверь.

Разум Петрович старательно замешивал кости.

– Тоже неохота? – Кивнул он на стол и вздохнул, поглядев печально на Серёжу.

Тот смутился, покраснел и понял, что не благоговение сейчас испытывает к этому чудаковатому старику, гуру отечественной метеорологии, а непонятную жалость.

– Что вы, Разум Петрович! Я с удовольствием с вами сыграю.

Давно уже это не было честью на метеостанции – поиграть в домино с директором. Наоборот, все, как тараканы, прыскали по кабинетам и лабораториям, когда директор, закинув руки за спину, прохаживался по коридорам, ища напарников для игры. Отдалили его от дел, держали за прошлые заслуги. Молодёжь и замы ворчали. Но где-то там, совсем наверху ещё оставались покровители, и Разум Петрович сидел до позднего вечера в своём кабинете, ворочал по старинке бумажные метеокарты и поглядывал, как лаборанты проверяют метеобудки – площадка с торчащими из земли белыми «скворечниками» с термометрами внутри, располагалась как раз перед его окнами на первом этаже.

Разобрали костяшки. Серёжа мучительно вспоминал правила – в детстве вот так же он играл с дедушкой, и что-то да должно было остаться в голове.

– Ураган-то плёвый получится. Так, баллов на семь. – Разум Петрович дальноточно вглядывался в костяшки, акку-

ратно подкладывая к растущей постепенно «змее». — Максимум, восемь.

— Да? — удивился Серёжа, забывая походить. — А чего ж мы тогда...

— Перестраховываемся. — Разум Петрович, совершенно не смущаясь, заглянул в фишки к Серёже и, выбрав нужную, положил на стол. — Пришлось, конечно, немного подкрутить, — добавил он невзначай.

— Подкрутить? — чуть заикаясь, спросил Серёжа.

— Понимаешь, Серёж, — стал объяснять директор, не забывая при этом играть. И за себя, и за своего партнёра. — Вот эти все ваши компьютеры, модели гидродинамические — это всё, конечно, здорово. Но опытную руку и карандашик никто не отменял. Вот выдали они, модели ваши, «штормяк». Будто всё, конец света. А я по картам поглядел, подрисовал — не так фронты идут, а вот эдак. — Он помахивал руками с костями, потихоньку их выкладывая. — А потом, глядь — не так страшен чёрт. Поэтому завсегда проверяй глазами, чего там тебе эти модели насчитали. — Он подмигнул. — Ещё партейку?

Серёжа неуверенно кивнул. Не тому он удивился, что так ласково с ним говорил директор, да ещё и по имени его называя (это всем на станции было известно, что Разум Петрович каждого сотрудника знает в лицо и по имени, вплоть до уборщицы и студентов-практикантов), а тому, что тот так с ним откровенничает.

Они ещё долго сидели, уже сумерки за окном опустились, а сотрудники один за одним торопились домой, топоча по коридору.

– Ну, чего, поглядим, что там после этого дичайшего фронта, а? – Разум Петрович наигрался, но отпускать Серёжу вроде как не спешил. А тот и сам никуда не торопился.

– Поглядим, – согласился Серёжа, с энтузиазмом следя за директором – Разум Петрович снова развернул на столе карты.

* * *

Ураган получился слабеньким. Даже и не ураганом оказавшись вовсе. Так – шквал, гром и молнии, ветки поломанные, забитые ливнёвки – обычная июньская гроза в Москве; ничего особенного.

Но после этой грозы всё чаще стал засиживаться по вечерам Серёжа Гусев в кабинете у директора. Пили они горький чай, собственноручно завариваемый Разумом Петровичем, играли в домино, но всё больше склонялись над распечатками широкоформатных метеокарт. Замирали, вглядываясь в красные и синие фронты, волнистые линии изобар и температурные отметки. А потом вгрызались в напечатанное с карандашами, подрисовывая и подправляя. Рисовал всё больше директор, но давал иногда подрихтовывать и своему ученику, взирая на него с некоторой нежностью.

Вова Ляхов сначала посмеивался над однокашником, потом пальцем у виска крутил, а потом будто даже обиделся. Только Серёжа внимание на это не обратил. Он и от матушкиных претензий по поводу поздних возвращений домой отмахивался.

Сидели как-то вечером. Точнее, сначала стояли, правили карты.

– Вот, гляди – фронта прёт, а мы его в сторону, а то, глядишь, на Кубани засуха случится. – Деловито помечал карандашом, словно на деревьях зарубки топором ставил, Разум Петрович.

Серёжа информацию впитывал и, хотя тоже склонился над столом с карандашом, рисовать не решался.

– А вон, Разум Петрович, – он плавно очертил по воздуху дугу, – Западную Сибирь-то опять заливает.

– Точно! – обрадовался директор, – надо циклончик пододвинуть. – И принялся активно разукрашивать соответствующую область. – Давай, помогай, что ли.

И Серёжа с готовностью подчинился.

– Ты чего в метеорологи-то пошёл, Серёж? – спросил его чуть позже Разум Петрович, прихлебывая чай из стакана в именном подстаканнике, похрустывая куском сахара. После трудов расселись в мягких креслах, отдыхали. Серёжа всё больше узнавал про директора. Некуда тому было торопиться вечерами. Схоронил жену; детей не заимел. Друзья всё больше больные и старые были, а про болезни и старость

Разум Петрович разговоров не любил.

– В детстве на природоведении понравилось записывать показания с термометра в клеточки. Так и повелось. – Пожал плечами Серёжа.

Директор покивал задумчиво, шумно отпил горячий чай. Серёжа помолчал, собираясь с силами, а потом спросил, сразу покраснев:

– А вы, Разум Петрович, когда свой... ну... дар ощутили?

Директор стакан отставил, откинулся в кресле. Будто ждал этого вопроса.

– Да кто его знает... сколько себя помню. С рождения, наверное, – ответил он. – А если серьёзно, то заложено это во мне было. Там же в тридцатые не только людей грохали, но и экспериментов всяких интересных множество проводили. Был вот и такой – ещё нерождённым детям профессии выбирали.

– Как это, выбирали? – удивился Серёжа и тоже отставил чашку.

– А вот так. Отец мой как раз в таком «ящике» трудился. Беременную пациентку чем-то там облучали, пытаясь привить зародышу ту или иную способность.

– Разум Петрович, вы серьёзно?

Тот развёл руками.

– Кто его знает... Я в этом не понимаю ничего. А лавочку эту довольно быстро прикрыли; кого-то шлёпнули, как водится. Но отец жену, мать мою, то есть, беременную как раз

мною, успел под это дело поставить. Ой, ржали над ним, наверное... Что он метеорологию выбрал. А там, понимаешь, лето (тридцать восьмой год) уникальное получилось, особенно август и начало сентября – ого-го, скажу я тебе! Блокирующий антициклон на два месяца. Максимумы под тридцать шесть, тридцатники в сентябре и за целых два месяца миллиметр осадков. А я родился в сентябре как раз. Вот отец и подумал, что эта очень важная профессия для народного хозяйства. – Разум Петрович тепло улыбался. – Только когда маму обрабатывали, чего-то там пошло не так, и больше нужного в неё дозу пульнули, ну и вот...

– Ого... – прошептал Серёжа.

– Первый раз случилось в школе уже. Рисовал как-то танки на подходе к Москве, карту набросал, а ещё и совсем детское что-то в голове ворочалось – тучки нарисовал со снегом, мол, чтобы фашистов замело. Он и повалил, снег-то. На следующий день. А конец мая уже был...

– Ещё чаю, Разум Петрович? – спросил Серёжа, снедаемый любопытством и немогущий сидеть неподвижно.

Директор на его предложение не ответил, взгляд его затуманился, и весь Разум Петрович был уже не здесь.

– Тогда-то я не понял ничего, конечно, это уж потом сопоставил. А дорожка мне всё равно прямая была – на геофак. Завещание отца (он на фронте погиб) матушка хорошо помнила, некуда мне было больше деваться, кроме как на географический. А уж когда практика пошла, когда карты нам вы-

дали, вот тогда-то шороху я навёл. – Директор усмехнулся. – После первого курса, в июле нахулиганил. Мы в Подмоскowie, как вы сейчас говорите, тусили в Коломне на практике. Как пошёл градусы занижать! О... В июле самое большое – двадцать пять, а ночные и девять, и десять... хорошо заморозков не наделал, – он захихикал. – Тогда, конечно, стал я что-то понимать. У матушки подробности выпытал. И ведь хорошо, что такой я...

Директора поиграл пальцами, подыскивая слово.

– Педантичный? – подсказал Серёжа.

– Не! Занудный! – Поднял палец директор. – Я очень рационально ко всему этому подошёл, спокойно. Аккуратно стал использовать. Хотя были заскоки, да...

Он взял стакан и шумно прихлебнул.

– Расскажите, Разум Петрович.

Директор поглядел в окно, крикнул.

– Уж темно! Тебе домой-то не пора?

– Нет, что вы! До пятницы я совершенно свободен, – ответил Серёжа радостно.

– До пятницы? Хм... ну, ладно... – Откинулся снова Разум Петрович в мягком кресле. – Так чего я там?

– Заскоки! Гм...

– Ага, точно. Это я уж заведующим лабораторией был. И чёрт его знает, что на меня нашло... Может, тридцать лет со дня гибели отца повлияло, может, ещё чего... Не знаю. В общем, семьдесят второй год – это я, – сказал Разум Пет-

рович, прищурившись, постукивая по подлокотнику рукой.

Серёжа только очки поправил, а улыбаться не перестал.

– Семьдесят второй? Тот самый? – прошептал он.

– Угу. Урок я тогда получил. Думал, сейчас я такое идеальное лето для Европейской части СССР забабахая. Все ахнут. Ага, разбежался! – С досадой махнул рукой Разум Петрович. – Как раскачал процесс своими подрисовками, как пошла жара... думал, всё, капут, сейчас лето своего рождения повторю. Здорово тогда, Серёж, я струхнул.

– То есть все эти пожары подмосковные...

Разум Петрович закивал.

– Ага, на мне, на моей совести... Хотя, я как понял, что дел наворотил, назад давай крутить, рисовал днями и ночами – только куда там! Раскочегарилось, я только слегка при-тушить и сумел. Совсем не всемогущ оказался. Но на полную не дал развернуться. С тех пор и понял, что надо потихоньку, где-то тормознуть, где-то подтолкнуть. Тогда в рамках всё. Ведь более-менее нормальный климат был в семидесятые и восьмидесятые, и в начале девяностых, а? – Подмигнул он Серёже.

Серёжа переваривал информацию, перетряхивал в памяти погодные архивы – и впрямь выходило, что до двухтысячных всё по норме было.

– А последние годы расшаталось тогда почему? – спросил он.

– Так не удел я стал с бумажками своими. На компьюте-

ре пробовал подрисовывать – чуть наводнение не устроил на Амуре. А распечатки мне теперь редко носят... да и по-фактум частенько. Вот если «штормяк» какой только еже-ли...

– А что, никто не знает о вашем... вашем даре? – удивился Серёжа.

Разум Петрович заулыбался хитро.

– Кто их разберёт... Слухи-то ходят, но сам я не лезу. И раньше ни к чему мне было признаваться – я директором главной станции был, чего мне ещё? Погоду во всём мире делать? Я не настолько амбициозен. А! Пустое... разберутся и без меня. – На лицо директора опустилась печаль, он замолчал, задумчиво глядя в окно.

Вдруг Серёжа чуть на месте не подскочил

– А зима семьдесят восьмого – семьдесят девятого? – спросил он.

Разум Петрович вздрогнул, наморщил лысину, словно вспоминая, где он и что он.

– Ну, ты и вспомнил, – улыбнулся он, погрозил пальцем и встал с кресла, с хрустом потягиваясь. – Ладно, давай уж закругляться.

– То есть вы, да? Сорок градусов... – не унимался Серёжа.

– Вот настырный! – Покачал головой директор. – Не, Серёж, не я. Точнее, не совсем я. И не сорок, а минус тридцать восемь. Я там ошибся малёк: тогда грозила метель какая-то несусветная, потом оттепель, потом снова заморозок. А я

ровный антициклон вместо всей этой радости и подсунул. Да с температуркой не рассчитал. Но ведь недолго там это всё было, справился я всё же. Ладно, давай кружку... Кстати, это ещё повезло мне, что Разумом назвали, – совсем некстати вспомнил он, – вполне себе славянское, пусть и не очень нормальное имя. А ведь могли Барометром там или Термометром...

* * *

Вова слушал лениво, поигрывая ключами. Серёжа, словно получив карт-бланш на разглашение, рассказывал ему небывлицы про «балластного» старикана (как считал сам Вова, повторяя мнения многих коллег), и Вова, сам не замечая, проникался интересом. Ключи на пальце вертелись всё быстрее.

– Ты, Серёг, вместе с академиком уже того, – присвистнул он.

Серёжа оборвался на полуслове и покраснел до слёз.

– Дурак ты, Вова! – тихо сказал он, поправил очки и вышел из комнаты.

А Вова всё крутил ключами, а взгляд его задумчиво скользил по монитору, где в прогнозе маячили дожди и холод.

– Лето, называется, – пробурчал он. А потом, что-то вспомнив, криво улыбнулся. – Не, ну, а чего такого? Дурканём слегка и мы.

– Разрешите? – Вова втиснул своё объёмное тело в узкую щель чуть открытой двери.

Директор поднял глаза от костяшек.

– Заходите, заходите, молодой человек, – доброжелательно забурчал он. – Присоединяйтесь.

Серёжа нахмурился, но кресло своё подвинул, освобождая место для Вовы. Тот тяжело вздохнул и, ёрзая, елозя взглядом по метеокартам и стенам кабинета, стал дожидаться конца партии.

– Давненько я не брал в руки фишек... – сказал он чуть позже, загребая уверенным жестом в пухлую пятерню кости, когда подвели итог и рассыпали по новой.

Выиграв с ходу две партии, Вова затребовал чаю, и Серёжа с удивлением увидел, что Разум Петрович не только не осадил нагловатого толстяка, но и будто с удовольствием кинулся к кипятку.

– Пожалуй, я пойду, – сказал Серёжа, вставая.

– А чай? – спросил директор.

– Поздно уже. – Серёже было неловко. – До завтра, Разум Петрович.

– Всего хорошего, – попрощался директор.

И Серёже показалось, что промелькнула какая-то просьба в его словах. Серёжа пригляделся – но директор уже всю обхаживал своего пухлого доминошного соперника. Се-

рёжа налился красным и вышел из комнаты, сопровождаемый презрительным взглядом Ляхова.

* * *

Следующим вечером обычного для последнего месяца приглашения директора на чашечку чая Серёжа не дождался. А когда, уходя, сунулся к кабинету директора, и, собираясь постучать, услышал стук костей, восклицания Разума Петровича и несколько надменный бубнёж Вовы. Серёжа нахмурился, повесил понуро голову и пошёл домой.

День завершался духотой. Температура неожиданно, вопреки всем прогнозам скакнула в обед выше рекордной отметки и теперь нехотя опускалась к ночи.

И в новый день ещё один жаркий рекорд не устоял.

С утра разлилось жёлтое море по небу, а солнце начало плавить асфальт и граждан. В метро ещё держалась умеренная температура, а на поверхности люди обильно потели, шумно отдувались и спешили спрятаться под кондиционеры.

Серёжа ощутил навалившуюся жару ещё ночью, ворочаясь в ставшей сразу неуютной постели. Утром обеспокоил матушку плохим аппетитом и, не доев завтрак, убежал на работу. Там царило возбуждение, как всегда в преддверии метеорекордов. Температура шла на взлёт, перешагнув тридцатиградусную отметку уже в двенадцать часов дня.

В обед Серёжа заметил проشمывнувшего в коридоре Ра-

зума Петровича, кинулся за ним и успел пролезть в закрывающуюся дверь.

– А, Серёжа, – кисло улыбнулся директор. – Чего тебе? – И сразу сделался очень занятой, начал перебирать какие-то бумажки.

– Разум Петрович, в чём дело? – Серёжа был настроен решительно.

– Ты о чём? – рассеяно спросил Разум Петрович.

– Почему сегодня опять жара?

Разум Петрович отвлёкся от бумаг, погладил задумчиво бакенбард.

– Блокирующий антициклон, ничего не попишешь, – развёл он руками и добавил скороговоркой: – Теперь надолго. Ещё и не один рекорд будет.

Серёжа очки снял и протёр краем рубашки. Надел обратно.

– Как же так, Разум Петрович? И вы ничего не сделаете?

Тут из Разума Петровича стержень словно вынули, он плюхнулся бескостной грудой в кресло. Бумаги из его рук рассыпались по полу.

– Сделаю, Серёжа, сделаю. Ещё и не такое, судя по всему, сделаю. – Он посмотрел с тоской на Серёжу.

Тот, мало что понимая, присел рядом.

– Понимаешь ли, в чём дело... – словно отвечая на Серёжино недоумение, начал исповедоваться Разум Петрович. – Я в домино не могу не играть. Ну, вроде, как побочный эф-

фект моего, гм, дара. И, если выиграю, то и ладно, то и всё нормально. А вот если проиграю... Короче говоря, друг твой шарообразный мастером игры оказался. Обштопал меня десять раз подряд... и всё. – Понуро покивал Разум Петрович.

– Что – всё?

– В его власти я теперь. В полной. А он, то ли с приветом, то ли комплексы какие прорвались – возомнил себя властелином мира. Планы у него... ты бы слышал. Так что скоро мы пожаров хлебнём. Я ему прогнозов на месяц задолжал.

– Вы ещё и в долг играли? – ужаснулся Серёжа.

– Что поделаешь... Я ж говорю – не властен над Игрой. Она надо мной – да, а я – нет...

Серёжа снова взялся за очки.

– А если вы его обыграете, то он на вас влияние не будет иметь?

Разум Петрович поднял глаза и грустно улыбнулся.

– Не обыграю, Серёж. У него – дар...

* * *

Серые стыдливые ночи не приносили облегчения. Граждане раскупили вентиляторы, кондиционерщики ломили пятикратные цены, а на установку выстроились очереди чуть ли не до зимы.

Пожары не заставили себя ждать. Сначала потянуло лёгким ароматом, потом закашляли аллергики, а вскоре уже

и полуденное солнце превратилось в матовый шар на грязном, желтоватом столичном небе.

Жители закрывали окна мокрыми простынями, ходили в респираторах и переполняли городские пляжи уже и по будням.

Пожарные сбивались с ног на торфяниках, безуспешно пытаясь залить расплзавшийся под землёй огонь. Поездки даже по федеральным трассам на восток, юго-восток и северо-запад от столицы превратились в адское испытание.

Вова Ляхов словно жирел от всех этих несчастий. Переполнившись самомнением, он дерзил не только Разуму Петровичу, который в его присутствии становился похожим на побитого старого пса, но и самому Гельфанду, первому заму директора, настоящему начальнику метеостанции. Гельфанд в изумлении открывал беззвучно рот, но терпел выскочку, потому что этот молодой да наглый, толстый и надменный Ляхов раз за разом предсказывал новые рекорды, оправдывающиеся с точностью до десятых градуса.

Серёжа, проходя мимо кабинета директора, частенько слышал оттуда стук костей. Сжимал кулаки и убегал к себе, где крутил колесо «мышки» и перебирал бесчисленное количество материалов в интернете по запросу «дар».

Несколько раз он врывался в кабинет, разбрасывал кости, прятал всю коробку, но натыкался на еле слышное шептание Разума Петровича «Это бесполезно... Игра меня всё равно найдёт» и наглую ухмылку Вовы.

Серёжа мучился в своём закутке, крутя синоптические карты и так, эдак. Засматривал до дыр и зарубежные компьютерные модели, и адаптированные отечественные. Везде над Европейской частью России стоял «Блокирующий антициклон», недвижимый, нерушимый и обтекаемый благодатными дождями и прохладой по северу и крайнему югу. Температура регулярно подбиралась почти к сорока градусам, город был выжжен и расплавлен, народ изнывал, энергоснабжение работало на пределе, в воздухе витала лёгкая паника и перспектива подачи воды по часам.

Когда перевернули календари на август, и забрезжила надежда на скорое ослабление этой гнетущей жары под слабющим к осени солнцем, Серёжа не выдержал. Он дождался, когда вечером из кабинета директора выкатился лоснящийся Ляхов и схватил его за грудки.

– Ты, сволочь! Прекращай! – взвизгнул Серёжа.

Вова поглядел на однокашника удивлённо и брезгливо отцепил его руки от своей рубашки.

– Не могу, Серёженька. Душа не велит. Надо народишко наказать как следует. – Он почистил пухлыми пальцами свои плечи от невидимых пылинок.

Серёжа глотал воздух ртом, как рыба.

– За что... За что наказывать? Ты что...

– О... – Воздел глаза к потолку, всё лицо туда обратив, Вова. – Там знаешь, сколько...

Серёжа кинулся пихать толстую тушу, молотить по непро-

биваемой жирной груди своими хилыми кулаками.

– Э, ты прекращай. – Одной левой отодвинул его от себя Вова. – Не бузи.

И Серёжа, подрагивая всем телом, поплёлся на выход. А за дверью, в своём кабинете постаревший, сильно сдавший за последние недели Разум Петрович рисовал красные границы антициклона. Из последних сил, с перекорёженным лицом он выводил контуры, не в силах перечить садистской воле Ляхова.

* * *

Серёжа глядел на горизонт уже час. Ни в каких прогнозах этого не было, у всех держалась адская жара вплоть до самых дальних «хвостов» в модельных графиках. Не было этой иссиня-чёрной тучи, заслонившей полнеба.

К жаре не то, что привыкли. Смирились. Выживали.

С утра сразу под душ, пока есть вода, и, не вытираясь, на балкон. А там не жёлтой мглой небосвод прикрыт, а темнота навалилась. Духота нестерпимая, дым отринул в сторону, открыв пространство.

С двенадцатого этажа, в окружении низкорослых хрущёб город просматривался до горизонта. С юга и запада, заслонив весь край неба нависла чернота. Такой черноты Серёжа не видел даже на картинках. Зарницы мелькали пока нестройно, белыми нитками дёргалась то тут, то там, не рож-

дая грохота.

Всё замерло в городе и вокруг. Тишиной оглушало, и казалось, бескрайняя туча не приближается.

Началось всё сразу. Обрушился шквал, согнулись, ломаюсь, деревья, полетел мусор. Сверкнуло, грохнуло, а потом, оглушая и ослепляя, разряды пошли один за другим, сливаясь в единый адский грохот. Стало темно, как ночью.

– Мам, закрывай всё! – крикнул Серёжа, понимая, что на работу он сегодня опоздает.

Они закупились в душной и прогретой квартире и сквозь заливаемые стёкла смотрели на буйство стихии.

Шторм трепал Москву почти полдня, исхлестав её небывалым ливнем, ветром и градом. Попадали деревья и рекламные щиты, затопило улицы и сорвало крыши. Кругом орали сигнализацией машины, хрустели по ногам осколки.

Как немного затихло, Серёжа помчался на работу. Где пешком, пробираясь через завалы, где на работающем кое-как метро, он добрался на станцию только к вечеру. Там он сразу кинулся к директору.

Разум Петрович сидел в кресле, обхватив голову руками, и раскачивался.

– Разум Петрович, как же так...

Директор поднял красные глаза.

– Не знаю, Серёж, не знаю. Но это не я...

Серёжа замер.

– Как? А откуда же...

Разум Петрович пожал плечами.

– Я так думаю, что это естественный процесс после такой аномальной жары. Разрушение рекордного антициклона произошло с рекордным эффектом, – глухо сказал директор.

– Ничего не понимаю. – Серёжа присел. – Вы обыграли Ляхова?

– Ха! – усмехнулся директор. – Если бы я его обыграл, неужели ты думаешь, я позволил бы себе устроить всё это? – Он махнул рукой за окно. – Да и не обыграть мне его, я ж тебе говорил. Нет. Всё было, как обычно. Он заказал сорок градусов на сегодня... Совсем зарвался, жирный кот. – Покачал головой Разум Петрович.

– А вы? – Серёжа наклонился вперёд.

– А что я... Я, как солдат. – Директор приложил руку к непокрытой голове. – Есть. Разрешите выполнять? Выполняйте... И надраил ему красненьким по карте обновление.

– И?

– И всё. Не вышел каменный цветок. – Вдруг улыбнулся Разум Петрович. – Ушёл дар, понимаешь? Выпотрошил меня до дна Ляхов, ничего и не осталось.

Тут дверь резко открылась, и ворвался взмыленный Вова.

– Это что за фокусы, директор? Нет, я ураган, конечно, планировал. Но не сейчас! Кто разрешил? – кричал он, подойдя к Разуму Петровичу.

– Тпру, Володенька. Ты, конечно, можешь и дальше мной помыкать, но... вон, сам погляди вчерашние карты – всё, как

просил. Только шиш, – захихикал Разум Петрович.

И Серёжа не сомневался – директор хихикал злорадно.

А Вова стал шумно возиться в картах, выуживая вчерашнюю.

– Что за фигня... – бормотал он. – Почему не сработало?

– Всё! Финита! Конец! Твоё ненасытное брюхо всё поглотило. Не осталось ни капельки. – С довольной физиономией развёл руками Разум Петрович.

Вова запыхтел и вылетел злобной торпедой из кабинета.

Серёжа с Разумом Петровичем переглянулись, улыбаясь счастливо.

* * *

– Зайди, как будет минутка, – прихватив за рукав Серёжу в коридоре, сказал Разум Петрович.

За окном дождала осень. Как полагается – с утра до вечера; набухшие небеса цеплялись за шпили высоток, отрезая свежестроенные небоскрёбы по верхам.

Минутка у Серёжи нашлась довольно скоро – после того урагана, они с директором вновь завели совместные чаепития, но уже безо всяких карт. Зато всё чаще засиживались за партейками в «козла». Серёжа обложился книгами по доминошному мастерству, и вместе они подтягивали свой уровень («Нет у него никакого дара, просто вы играть не умеете. Меня только и можете обыгрывать», – обронил Серёжа

вскоре после урагана – Разум Петрович вспыхнул, но сразу и погас, кивая головой и соглашаясь).

Серёжа зашёл в кабинет – директор смотрел в монитор, клацкая «мышкой».

– Поможешь по этим вашим компьютерам? – сразу без предисловий попросил Разум Петрович.

– Вы же всегда против были! – изумился Серёжа.

– Был. Каюсь. Просто вот вчера попробовал крутануть циклончик, и так легко и просто вышло, – улыбнулся директор.

– В смысле – крутануть? – Серёжа присел рядом.

– Ну, вот так... сушь какая стояла, совсем не осенняя – надо было полить. – Прищурился хитро Разум Петрович. – Если с бумагами пар вышел, кто сказал, что с другим инструментарием нельзя, а?

Серёжа задумчиво почесал темечко.

– Давайте тогда козелка забьём. Для начала, – проговорил он.

– Что? – удивился директор.

– Тренироваться давайте, вот что.

Тут дверь распахнулась, и на пороге возник цветущий Вова Ляхов. Он схуднул за последний месяц, в глазах поселилась тоска, но сейчас, словно скинув гнетущий груз, он сиял и искрился энергией.

– А я думаю, что за шуры-муры опять у них! – Он потирал руки, продвигаясь к замершим, будто в гипнозе, Серёже

и Разуму Петровичу. – А они тут опять прогнозы, оказываются, настрополились подкручивать. – Он плюхнулся в свободное кресло. – Давай, Серёженька, замешивай. Сейчас мы товарища директора будем штопать. – Кивнул он на стол.

Серёжа покрылся пятнами. Разум Петрович легонько придержал его за локоть и кивнул ему – Сережа стал послушно замешивать. Глядя на вываленные кости, директор хищно улыбнулся и ловко прихватил все семь костей в одну руку.

Вова несколько озадачился столь уверенной хватке Разума Петровича, но тот уже ходил, и размышлять о руках директора было некогда.

Игра началась.

Супергерой узкой специализации Дарья Странник

Юлий выключил воду, нащупал рукой полотенце, висящее на настенном крючке, и, вытираясь, вышел из душевой кабины. Большое настенное зеркало запотело, но Юлию хватило и нечёткого силуэта, чтобы снова с удовлетворением отметить, насколько совершенно его тело. С функциональной точки зрения, разумеется.

А родился и жил Юлий с одной единственной целью – преследовать и уничтожать краснорогих зяброхрумов.

Маленькие бесцветные глаза мужчины обладали особой чувствительностью к красному цвету, воспринимая на тридцать два оттенка больше, чем обычные человеческие. Нос картошкой уловил бы вонь зяброхрума за несколько километров, а чуткие уши могли различить самые отдалённые крики жертв чудовищ. Самих зяброхрумов слышать было нельзя, потому что они звуков не издавали.

В полных руках скрывались жгуты, которыми Юлий мог опоясать и обезвредить проклятых тварей. Кругленький животик был непробиваем для рогов зяброхрумов. Короткие и немного кривые ноги могли передвигаться со скоростью велосипеда, более чем достаточно, чтобы догнать краснорогих. Скорость – не их конёк.

Но настоящей проблемой Юлия были не коварные зяброхрумы, а тот факт, что на Земле они не водились.

От такой жизненной несправедливости хотелось плакать. Что Юлий иногда и делал – тихонько в подушку.

В детстве мама утешала его:

– Одно твоё присутствие отпугивает краснорогих. Людям повезло, что ты живёшь на Земле.

Но мамы не стало, а другие люди что-то не спешили праздновать «присутствие» борца с зяброхрумами.

Папы своего Юлий и вовсе не знал. Мама рассказывала, что родитель был уголовником и отсиживал где-то срок. Только повзрослев, Юлий понял, что она лгала, а отец, скорее всего, до сих пор путешествует по галактике, охотясь на зяброхрумов и соблазняя симпатичных аборигенок.

Юлий тоже хотел в космос, но по человеческим стандартам он оказался близоруким, толстоватым и неуклюжим.

Рассказывать про сверхспособности и краснорогих зяброхрумов было бесполезно. Дети крутили пальцем у виска. Взрослые тоже.

С горем пополам Юлий выучился на историка. Это помогло ему понять, что зяброхрумов на Земле не только нет, но и никогда не было. Какими путями занесло сюда его папеньку, осталось загадкой.

Работу по специальности оказалось найти ещё сложнее, чем краснорогого зяброхрума.

Сотрудница биржи труда с крупной родинкой на под-

бородке сначала заинтересовалась способностями Юлия, но быстро сникла, как только речь зашла о зяброхрумах.

– То есть, обычных преступников вы ловить не можете?

– Это любой дурак может! – пафосно обиделся герой.

Обладательница родинки на подбородке как раз переписывалась в сети с интересным мужчиной из правоохранительных органов. Полные немудрёных комплиментов сообщения заставляли женское сердце биться быстрее и создавать закладки магазинов свадебных платьев и сборников имён для новорожденных.

Комментарий Юлия женщина восприняла как личную обиду и послала клиента. В задницу мысленно и работать дворником буквально.

От скуки Юлий начал рисовать своих клятых врагов. Акварелью. А потом вечерами метал в полотна дротики.

Просто так, от нечего делать, выставил несколько картин на своей страничке в интернете, дополнив предупреждающей надписью: «Берегитесь зяброхрумов!»

Юлия обозвали эксцентриком. Картины – экспрессионизмом. Сравнили с Кандинским. Заинтересовалась пара музеев. В общем – люди ни черта не поняли.

На всякий случай, Юлий посмотрел полотна этого Кандинского, вдруг коллега? Но это были точно не зяброхрумы. Во всяком случае, не краснорogie. Возможно, золотистоспинные... Но было совершенно непонятно, зачем кому-то рисовать золотистоспинных зяброхрумов.

Несостоявшийся герой с завистью смотрел фильмы о суперменах, человеках-пауках и мускулистых мужиках в чёрных лосинах. С презрением отмечал, что ни один из них не выстоял бы и против личинки зяброхрума, и впадал в депрессию.

Симпатичный дворник с мирской тоской во взгляде привлёк внимание многих жильцов и просто прохожих. Посыпались советы, начиная с «Забудь её!» и «Нужно выпить!» до белой визитки с адресом какого-то психолога.

Юлий и сам не мог объяснить, почему решил обратиться к последнему. Может, с призрачной надеждой услышать хоть что-нибудь о краснорогих зяброхрумах?

Психолог выслушал клиента, осторожно задал несколько уточняющих вопросов.

– А не приходила вам в голову мысль, что эти... сущности – плод вашего воображения?

– Дык, конечно, приходила. Но жгуты в руках, особое зрение, непробиваемый рогами живот... – развёл руками Юлий.

– А покажите жгуты! – оживился психолог.

– Они появляются только когда краснорогие зяброхрумы находятся в зоне видимости, – вздохнул герой.

Психолог закусил дужку очков.

– Понимаю... А не отдохнуть ли вам? Причины многих бед лежат в элементарном переутомлении. Я знаю отличный санаторий...

В санатории Юлию неожиданно повезло. Соседом по ком-

нате оказался самый настоящий краснорогий зяброхрум! Он сам так представился, после того как выслушал историю жизни Юлия.

– Но я мирный, – заверил сосед, – не убивай, пожалуйста.
– Голубчик! Какая честность! Какое мужество!

И Юлий торжественно пообещал новому знакомому, что не поднимет на него жгута. Во всяком случае, пока зяброхрум не начнёт охотиться на людей, пожирать их лёгкие и откладывать яйца в останках.

Сосед поморщился и спешно заверил, что ничего подобного в ближайшем будущем не планировал.

Они сдружились, вместе ходили на процедуры и символично сражались в шашки по вечерам.

А две недели спустя смущённый сосед признался, что он не зяброхрум. Глаза на правду раскрыли ему доктор Сфрейдс и жёлтые круглые пилюли.

Через пару дней соседа выписали.

Печальный Юлий целый день отказывался вставать с кровати, но, в конце концов, справился с разочарованием.

Он, в принципе, с самого начала подозревал что-то неладное. Рога ведь у соседа не красные были. Они вообще отсутствовали. И макароны по-флотски он очень любил. А где вы видели уважающего себя краснорогого зяброхрума, лопающего макароны по-флотски и просящего добавки?

Юлий заскучал в санатории, потому начал кивать в такт словам доктора Сфрейдса и делать вид, что принимает жёл-

тые пилюли.

Через пару недель Юлия выписали, и днём позже он опять мёл улицу. Советов герой больше не слушал. Дни напролёт он фальшиво напевал «В траве сидел зяброхрумчек», и подумывал, а не сделать ли себе татуировку «Жизнь подлее зяброхрума!» на левое предплечье.

Вечером, моя посуду после одинокого ужина деклариовал:

– Я зяброхрум – чего же боле? Что я могу ещё сказать...

Юлий, несмотря на недавнюю выписку, неизбежно приближался к тому моменту, когда навязчивая идея становилась диагнозом.

Новости Юлий продолжал смотреть регулярно, ведь настоящему герою нужно быть в курсе всех актуальных событий. Но часто, выключив телевизор, сразу забывал содержание услышанного.

Так произошло и с известием об организации первого полёта людей на Марс.

Ведущие прощобетали что-то о спорте и погоде, потом начался старомодный вестерн на фоне картонных декораций, затем последовала традиционная рекламная пауза. И только во время ролика модного напитка в бутылках с красными крышечками, Юлия осенило.

– Красный! Марс – красная планета. Краснорогие зяброхрумы были бы идеально замаскированы. Наверняка они

обитают там!

Непонятым осталось, как Юлий проник на территорию космодрома в день старта ракеты. Одним словом – герой.

Нагнали его легко, но задержать не удавалось никак. Ни захват, ни сеть, ни пуля не могли остановить целеустремлённого охотника на краснорогих зяброхрумов. Что-то вроде силового поля надёжно защищало Юлия. Более серьёзное оружие применить не решались, опасаясь повредить дорогую ракету. Ну и космонавтов, конечно.

Последние застыли перед входным люком, словно под гипнозом наблюдая, как тяжело и неуклюже бежит по аэродрому забавный толстячок в промокшей от пота рубашке.

Остановившись перед командой, Юлий упёрся руками в колени и несколько минут переводил дыхание.

– Ребята! Вы поосторожней на Марсе. Там наверняка водятся краснорогие зяброхрумы. Главное, сами с ними не связывайтесь. Вот... – Юлий протянул капитану визитку, которую самостоятельно изготовил с помощью специальной программы днём раньше. – Сразу зовите. Я буду ждать. Я давно уже жду...

Несколько часов спустя, суматоха вокруг происшествия немного улеглась. Счастливый Юлий даже дал надеть на себя наручники и наблюдал из окна патрульной машины за запоздалым стартом ракеты.

Герою было безразлично, где ждать зова на помощь. Наконец у него появилась надежда, что однозначно лучше на-

вязчивой идеи.

Герой скрестил пальцы на удачу. Только бы на Марсе не водились золотистоспинные зяброхрумы – против них Юлий был бессилен. Но в крайнем случае, он готов был сразиться и с ними. Лучше пасть геройской смертью в бою, чем жить совсем без зяброхрумов.

Эзра

Александра Худякова

Он был избран.

(На самом деле Эзра просто оказался не в том месте и не в то время, как это часто бывает.

Он лишь схватил Хранителя за плечо, чтобы встряхнуть и попросить подняться. Умолять встать, продолжать бой и спасти всех вокруг. Но в первую очередь, конечно, он в панике думал только о себе. Кто же спасёт его, если не герой-защитник?)

Предыдущий Хранитель был повержен.

(Эзра отшатнулся в ужасе, глядя на окровавленную вмятину на черепе героя, раньше закрытую капюшоном. Холодеющие губы скривились в странной улыбке, будто Хранитель до сих пор пытался успокаивать других, делая вид, что всё в порядке, и он со всем справится).

Новый Хранитель, поднявшись с колен, поразил врага, одолев одним ударом.

(Потому что враг, подошедший забрать силу погибшего Хранителя, не ожидал, что какой-то сопливый мальчишка может его опередить. Что этот сопливый мальчишка осмелится ударить в спину опаснейшего убийцу – и застать врасплох).

Теперь Эзра Замар был новым Хранителем. Нескладный и тощий, с короткими дредами и смуглой кожей – едва ли такой типчик мог оказаться среди списка героев. Но на него свалилась сила, и эта сила требовала действовать в ту же секунду, как Эзра коснулся тела предыдущего Хранителя. Чужая жажда смешалась с собственным страхом, взорвавшись в голове миллионами просьб о помощи.

За неделю до этого Эзре исполнилось пятнадцать лет.

* * *

Он был словно ангел, снисходящий с небес в облаках и молниях. Хранитель, летящий в вихре искр, поражающий миллионами вольт любую угрозу. Лёгкий, как ветер, неуязвимый, как сама стихия. Полный света, он держал во мраке лишь своё лицо под капюшоном, и никто и никогда не спрашивал, как его – их – зовут.

Хранитель умер, да здравствует Хранитель!

Никого не удивило, что новый герой худощав и невысок, а за грохотом и щёлканьем искр голос у него высоковат для взрослого мужчины.

Главное, что Хранитель был и охранял. Вытаскивал людей из пожаров, спасал от наводнений, выносил из зоны извержения вулкана, эвакуировал из снежного бурана, выкапывал из-под лавин, обвалов и оползней. Врывался в захваченные террористами здания, обезвреживал бомбы, унося с собой

те, что не мог обезвредить, и швыряя в космос. Чинил спутник, выручая астронавтов на орбитальной станции. Хранитель то, Хранитель сё, Хранитель, Хранитель, Хранитель...

Они все видели его: уверенного, могучего, бесстрашного.

Никто не видел, как он плачет на плече у матери каждый раз, когда прилетает домой, избавляясь от облачения героя и превращаясь в самого себя, запуганного пятнадцатилетнего Эзру. Как, запинаясь и проглатывая слова, говорит обо всём, что видел за день, дрожит и всхлипывает.

Мама Орли обнимала его, вела умываться, а затем взбивала мягкое одеяло с подушкой, разогревала ужин – никогда не знаешь, когда вернётся Хранитель – и делала горячий шоколад с молоком. Сидела рядом, гладила по голове и уходила, не выключив ночник.

Но она ни разу не сказала ему перестать.

* * *

Костюм появляется сам, стоит лишь пожелать.

Это больше чем одежда: сразу возникает ворох молний, ноги воспаряют над полом, а под капюшоном сгущается необыкновенный мрак.

Капюшон Хранителю для того, чтобы прятать искажённое ужасом и отвращением лицо. Плащ – чтобы выглядеть внушительнее, чем обычный ребёнок.

Молнии – защищать от любой угрозы, превращая пули,

камни и снаряды в пыль.

И сила, которая сама находит тех, кому нужна.

Эзра чувствует силу. Молнии струятся под смуглой кожей, энергия намного более живая, чем кровь, струится по артериям и венам, наполняя его невиданной мощью, почти божественной.

Эзра не понимает сам, но как-то узнаёт, когда нужна помощь. Где люди попали в беду – из-за аварий, буйства стихии или других людей. Эзре неважно, он помогает им, спасает всех и каждого – только бы голоса в голове заткнулись.

Помоги, помоги, помоги, помоги, я здесь, здесь тоже, а ещё там и везде; весь земной шар полон мольбы.

Они никогда не замолкают, лишь становятся чуть тише, позволяя забыться тревожным сном.

Эзра находит на кухне зелёную упаковку с узором из листочков. Убирает обратно в шкафчик над раковиной, не говоря ни слова маме: он не вправе осуждать Орли за то, что её психика расшатана бесконечным ожиданием сына – ни у кого нет столько спокойствия.

О чём он не знает, так это о том, что мама подливает несколько капель успокоительного в его горячий шоколад.

С каждым днём капель всё больше и больше.

* * *

Эзра не успевает.

Он мчится так, что уши закладывает, но тело пролета-

ет буквально в волоске от его ладоней – могучих, сильных, но готовых поймать мягко даже самый хрупкий фарфор – и падает на асфальт, превращаясь в буро-красное месиво.

Эзра замирает, паря пятью метрами выше. Он мог бы продолжить, и, может, спас бы падающую девчонку.

Может, не спас бы.

Может, очнувшись на асфальте с парой ссадин, она бы коснулась его плеча, проверяя, жив ли – и Хранитель мёртв, да здоровствует Хранитель!

Эзра мотает головой. Он слышит новый зов, и клокочущие в крови молнии зовут его мчаться на помощь. Но впервые в их шуме слышится угроза, будто Эзра взорвётся, если не послушается.

Он вспоминает мёртвую улыбку предыдущего Хранителя. Уголки губ дёргаются, но тут же вновь опускаются в хмурой сосредоточенности.

Эзра летит домой.

(Правда, по пути он спасает тонущий танкер, туристов из лесного пожара, старушку с сердечным приступом и шахтёров из обрушившегося тоннеля).

Мама добавляет в какао ароматной корицы и, когда Эзра отворачивается, чтобы снять ботинки, две большие ложки сладко пахнущего сиропа.

* * *

Эзра не помнит, что было до того, как он получил силы и титул Хранителя.

В его снах и мыслях — молнии и чужие голоса.

Времени не хватает ни на что. Школа брошена, формально Эзра на домашнем обучении. Друзей нет. Девушки нет, парня тоже. Даже собаки. Есть только мама, которая ждёт, ждёт и ждёт.

Эзра замечает в ящичке в ванной краску для волос. Тюбик уже почти пустой.

Через пять месяцев мама даёт ему свою краску, чтобы спрятать седину на висках.

Эзре всё ещё пятнадцать.

* * *

Мама у Эзры медсестра. Была. Теперь Орли всё время дома — ожидает, не зная, когда её сын вернётся, ведь кто-то должен быть рядом. Она работает на дому: пишет статьи по медицине, черновики регламентов и указов в больницу, ведёт колонку советов в журнале о здоровье.

Раньше Орли говорила:

— Что поделать, милый, это тяжело, но ты справишься. Кто-то должен помогать людям, — потому что считала так сама.

Всегда боролась за каждую жизнь, несмотря на кровь, гной и страх.

Теперь она говорит:

– Всё будет хорошо, – и знает, что врёт.

Эзра – умирающий пациент, и Орли не знает, как ему помочь. С каждым днём всё хуже и хуже, и Орли тоже срывается, замечает всё чаще, как руки дрожат.

Однажды, когда заплаканный Эзра кутается в одеяло, у Орли из рук выпадает бутылочка с каплями, и всё выливается в какао.

Орли замирает, трепеща от обрушившихся на неё сомнений.

Отдай она это сыну – и тот просто уснёт.

(Она не может не замечать его тяги к смерти, бремя Хранителя слишком тяжелое для него, да для любого будет слишком; и, как бы Орли ни хотела его удержать, она понимает, что проще всего для него будет покончить со всем раз и навсегда).

Эзра сможет наконец-то отдохнуть от бесконечного кошмара, в который превратилась его жизнь.

Орли берёт чашку и выливает содержимое в раковину.

Нет.

Она не может.

И это не её выбор.

(Она корит себя за то, что сваливает всю ответственность на ребёнка, на котором и так много ответственности).

Она даёт Эзре какао и читает книжку про Лунного малыша, а затем приглушает свет и целует в лоб.

«Мой герой».
(Если бы только её).

* * *

Эзра смотрит в глаза убийцы. Того самого, что несколько месяцев назад – вечность, кажется? – убил Хранителя. Убийцу зовут Эмиль. У него золотистые волосы, выбеленные солнцем, загорелая кожа, испещренная шрамами. Эзра впервые задумывается о том, что именно произошло с Эмилем с того момента, как новоиспечённый Хранитель оставил его с трупом предыдущего. Тюремная роба красноречива, но недостаточно. Эмиль снимает тёмные очки и впивается взглядом в висящего перед ним юношу в ворохе молний.

В зрачках Эмиля мутное море, тёмно-свинцовое, тяжёлое. Отражающее полный боли взгляд Эзры, который Эмиль не должен бы видеть через мрак под капюшоном.

Он и не видит – он знает.

– Вик был моим другом, – говорит убийца. – Ты не знал, но предыдущего Хранителя звали Виктор. Печальная ирония, да?

Эзра молчит. В его имени скрыт не меньший сарказм судьбы.

– Он страдал так же, как и ты. Нёс этот крест с терновым доспехом в придачу.

Эзра не может перестать смотреть в глубину моря в его

глазах.

– Он хотел умереть.

Понимающих глазах.

Вокруг запястий Эзры начинают искрить молнии, и не надо говорить вслух то, что и так понятно – сила Хранителя не даст себя так просто убить.

Сила Хранителя – миллионы голосов, в едином порыве молящих о жажде, потребности большинства.

Говорят, это инопланетный симбионт или паразит. Говорят, это мстительный призрак. Говорят, это сама Мать-Земля породила новый вид, чтобы защитить человечество. Говорят, это...

Эзра не знает и не понимает, что с ним происходит.

Эзра не может умереть – у него есть мама.

А вот его у мамы нет, он принадлежит не ей, а всему остальному человечеству.

* * *

Орли вызывает психотерапевтов на дом. Только седьмому из них она решается рассказать всю правду, а затем плачет и пьёт чай со сладким сиропом, навевающим сон.

Психотерапевт шокирован, но утешает Орли, обещает зайти ещё раз.

После этого разговора Орли становится немного легче.

После месяца визитов Орли предлагает ему остаться

на ужин.

Через шесть недель «седьмой» встречается с Эзрой и помогает Орли уложить его спать.

– Эзра, – говорит он, подтыкая одеяло, пока Орли делает какао, – у этой силы нет разума, а у тебя – есть.

Эзра хочет хотя бы кивнуть, но спустя миг мама приносит чашку, он жадно пьёт и тут же падает на подушку, даже не почистив зубы.

Все мысли Эзры забивают чужие голоса и треск молний, но он заставляет себя на миг остановиться.

Подумать.

Задать вопрос себе «Кто ты?» и «Что ты?».

И услышать нарастающий гул внутри себя.

Это всё они.

Люди.

Полная планета людей, которые заставляют его... управляют им.

Эзра улыбается, молнии вокруг него трещат, осыпаясь искрами, завихряются нимбом.

Теперь, думает он, я буду управлять планетой.

Он старался не слышать голосов, а теперь он, наоборот, вслушивается в них, ищет способ ответить.

Приказать.

«Хватит быть такими неосмотрительными идиотами!» – мысленно рычит он, и молнии вторят ему грохотом. – «Хва-

тит убивать друг друга! Бить друг друга! Ненавидеть друг друга! Если бы вы были хоть немного добрее, то я не был бы нужен, не был бы...»

Гул внутри вырывается наружу, и Эзра горит, молнии превращают его в прах, но главное он уже сделал. «Господь», – Эзра молится впервые в жизни, – «Господь, сделай так, чтобы это закончилось, чтобы не было больше Хранителей, чтобы...»

Он превращается в пепел – и успевает увидеть, как его мама забегает в комнату, в ужасе кричит...

...и тянет к нему руку, пытаясь спасти.

Орли многих предстоит спасти.

Хранитель умер, да здравствует Хранитель!

Белый танец

Анастасия Дзали Ани

Две сотни десятилетий прошло со временем последней битвы. Зло победило и в небо над страной взвились шелковые летающие драконы. От их карающего пламени никто не мог скрыться. Отныне желания, тела и мысли людей принадлежали Императору. Города были разрушены, а империю окружила Великая стена, перебраться через которую не удалось еще никому.

Старик Стремление к вечности, закончивший работу на рисовом поле, медленно брел в деревню. Сегодня он простился с единственной дочерью. Ее избрали для Белого танца.

Добравшись до хижины, Стремление к вечности даже не взглянул на жену, словно столб стоявшую у порога.

– Забрали, – едва шевельнув губами, выдохнула Ласточкин лес.

– Хорошо, – безучастно ответил старик и вошел в темноту.

– Я пойду на площадь! – разозлившись бесчувственности мужа, заявила Ласточкин лес. – Хочу поговорить с ней, пока можно.

– Если не сможешь сдержаться и заплачешь, погибнешь

не только ты, но и вся деревня. Лучше оставайся дома, – проговорил Стремление к вечности, зарываясь в теплое одеяло. – Приготовь мне еду.

Ласточкин лес некоторое время колебалась, однако, привычная покорность, впитанная ею с молоком матери, одержала верх над чувствами. Женщина засуетилась над очагом.

Чистая жемчужина, тем временем готовилась к отъезду. Обтеревшись ароматической уксусной водой, она припудрила лицо жемчужным порошком, который придавал желтоватой коже белёсый оттенок. Затем надела красную нижнюю рубаху и белый атласный халат. И только после этого взялась за гребень. Прежде чем провести костяным гребешком по волосам, Чистая жемчужина засмотрелась на затейливое переплетение атласных нитей и улыбнулась. Честь надеть белоснежные одежды выпадала не каждой девушке и не в каждом поколении, а только раз в двадцать лет, в день полного солнечного затмения.

Женщины наблюдали за девушкой молча, сгрудившись в дверях храма. Завидовали ли они избранной для Белого танца? Кто знает. Однако глаза их возбужденно засверкали, когда Чистая жемчужина надела на шею ожерелье из шелковой нити, заплетенное в искусные узелки.

Наконец подул ветер.

– Дракон! – сообщил староста, заглядывая в храм. – Выходи.

Все расступились, и Чистая жемчужина засемила к ко-

лыхающей на ветру летающей повозке. Механическое чудовище, раскрыв пасть, терпеливо дождалось, пока девушка заберется внутрь, а затем взмыло в воздух. Вцепившись в поручни, девушка через глазницы дракона с замиранием сердца смотрела вниз, туда, где мелькали рисовые чеки, леса, заросли бамбука и небольшие деревушки. Кто знает, привезут ли ее тело назад, чтобы возложить в белый саркофаг в храме. Или же...

Мысли Чистой жемчужины не смогли простереться дальше. Поскольку этот вариант развития событий был совершенно невероятным. Белый танец будут танцевать самые красивые девушки из всех деревень. Но вряд ли хотя бы у одной получится сразить Императора. Во всяком случае, такого не было еще ни разу.

Наконец, спустя семь кэ на горизонте показалась гранитная скала. Испустив клубы дыма, дракон взмыл вверх, прорывая слой облаков. Там, наверху, ярко сверкало солнце, но было очень холодно. Чистая жемчужина с тоской вспомнила о своей меховой безрукавке, которую пришлось оставить в деревне. Однако, открывшийся вид Императорского дворца заставил девушку позабыть о холоде. Дворец – единственное каменное здание, не разрушенное после войны. Он был вырезан на самой верхушке скалы и казался совершенно неприступным. Взмахи шелковых крыльев стали реже, словно дракон боялся потревожить покой правителей лишним порывом ветра. Машина смерти приземлилась на неболь-

шом пятачке у ворот. Неповоротливое чудовище распахнуло пасть и, изогнув хвост, вытолкнуло девушку наружу.

– Иди вперед, – приказал Чистой жемчужине стражник.

Она взглянула на длинный коридор, образованный высокими стенами. Предстояло пройти триста шагов по узкой тропе, под прицелом автоматических арбалетов, расположенных на вершине стен. Впереди мелькали белые силуэты – это шли ранее прибывшие претендентки.

Обернувшись назад, Чистая жемчужина увидела как вниз, сложив крылья, пикирует очередной дракон, испуская дым из ноздрей.

– Иди быстрее! – повторил стражник.

Девушка подхватила полы халата и вбежала в узкий проход, который был настолько узким, что невозможно было даже раскинуть руки в стороны. Поспешно опустив голову, она пошла вперед. Смотреть вверх – нельзя, бежать – нельзя, размахивать руками – нельзя. Сотни арбалетов следили за передвижениями людей по проходу, готовые при малейшей оплошности выпустить в нарушителей тучи стрел. Наконец страшная дорога осталась за спиной, Чистая жемчужина прошла под узкую арку и осмотрелась. Огромный двор был заполнен девушками, выстроившимися друг за другом. Девушка поспешила встать в ряд, медленно двигавшийся к раскрытым дверям тронного зала. Мелкими шажками Чистая жемчужина шла к двери, повторяя про себя инструкции, полученные от старосты деревни:

«Дождись своей очереди, и только потом иди. Сложи руки под грудь, опусти голову и иди медленно. Когда поравняешься с пологом, отделяющий трон, подними голову, чтобы тебя могли хорошенько рассмотреть и остановись на секунду. Не улыбайся, не смотри по сторонам и не пытайся разглядеть, что за занавесом».

Закончив давать наставления, староста сокрушенно покачал головой, с сожалением признав, что по настоящему отважных девушек в деревне нет. Среди стариков ходили слухи о том, что до начала истории, когда еще не было Великой стены, их кровь была разбавлена во время войн с соседями – тщедушными и низкорослыми трусами. Поэтому Чистая жемчужина не могла похвастать ни силой тела, ни силой духа.

Наконец настала ее очередь. Чистая жемчужина сделала первый шаг, волнуясь о том, что бы хватило сил дойти до Императорского трона. К удивлению девушки тронный зал представлял собою комнату без крыши, на стенах которой стояли все те же лучники. Она сделала двадцать шагов, прежде чем достигла шелкового занавеса, пропитанного ароматическими маслами. Замерев перед пологом, Чистая жемчужина подняла голову.

– Прими меч, – услышала она глухой голос, раздавшийся из-за занавеса.

Чистая жемчужина увидела, как из-под полога выдвинулась доска, на которой лежало оружие. Девушка поспешила

наклониться. Обхватив рукоять ладонью, она дернулась было вверх, но меч оказался слишком тяжел. Чистая жемчужина едва не уронила его на пол. Пришлось взяться двумя руками. Но даже так, она не смогла бы вскинуть меч вверх. Кое-как волоча оружие по полу, девушка попятилась назад, туда, где уже нестройными рядами стояли остальные.

Встав в строй. Она попыталась представить себе, что будет делать. Смешно конечно предполагать, что у кого-нибудь из девушек хватит сил уничтожить зло, восседающее на троне. Говорят, Император обладает силой убивать одним только взглядом, не прибегая к помощи оружия.

Тем временем в зал вошла новая девушка, за ней еще одна. Сколько их? До начала истории Шелковая насчитывала шесть тысяч деревень. Теперь же, когда по императорскому приказу непокорные поселения уничтожались в одну ночь, когда связь между ними была запрещена, когда были уничтожены все средства передвижения — никто не мог сказать, какова численность населения в Империи. Никто, кроме Императора.

Еще сорок девушек встали перед Чистой жемчужиной, держа в руках тяжелые медные мечи, прежде чем двери в зал были закрыты наглухо. Выходило, что их немногим больше пяти сотен? Неужели от шести тысяч деревень осталось меньше одной десятой? Но размышлять и ужасаться этому факту было некогда. Прозвучал удар колокола и из-под покрывала все тот же глухой голос объявил о начале танца бе-

лых невест – танца смерти:

– Зло воцарилось в Шелковой. Зло правит. Зло творит суд. Зло устанавливает порядок. Нет бедных. Нет богатых. Нет счастливых. Нет недовольных. Но раз в двенадцать лет вы можете сразиться со Злом и дать ему вечный покой. Покарайте меня, если сможете!

Прозвучал еще один удар колокола и не успел он стихнуть, как Чистая жемчужина услышала странный свист. Девушку спасло только то, что была в середине ряда и стрелы, пущенные со стен, попросту не долетели до нее.

Все завертелось перед глазами, точно колеса водяной мельницы: крики, стоны, перекошенные от страха лица, валяющиеся на пол тела. Сумятица усилилась еще больше, когда лучники прыгнули со стен и врезались в нестройные ряды девушек, обнажая короткие сабли. Взмахи, вопли ужаса, стоны, кровь – все смешалось в диком танце, проходящем под странный ритм барабанной дробы.

Чистая жемчужина вдруг заметила, как один из воинов покачнулся и выронил оружие. Отбросив тяжелый и бесполезный меч, девушка бросилась вперед. До воина, уронившего саблю, было несколько шагов. Она бы ни за что не успела добежать до того, как тот поднимет выпавший клинок.

«Если бы время замерло», – подумала Чистая жемчужина.

И время почти остановилось.

Девушка сделала пару шагов по инерции, прежде чем заметила это. Все вокруг словно бы погрузилось в вязкий бес-

цветный туман. Движения замедлились настолько, что пряди волос парили в воздухе. Даже крики зазвучали так, словно бы раздавались из-под воды. Подняв саблю, Чистая жемчужина осмотрелась в поисках выхода. Но все двери были заперты. Оставался только один выход – попытаться проскользнуть мимо трона во внутренние покои. Чистая жемчужина с размаху обрубила саблей шелковый занавес. Благоухающая ткань рухнула, открывая запретное.

Девушка вскрикнула, увидев перед собой Императора. Перед ее изумленным взором предстал двадцатилетний юноша, лицо которого было обезображено ужасными шрамами. Расширившимися от изумления зрачками, на дне которых дрожало отражение золотого трона, она разглядывала чудовище в белоснежных атласных одеждах, которое на протяжении многих поколений безраздельно владело Шелковой Империей. Черный – цвет мудрости, цвет жизни. Это запах костра, это вкусная еда, это дом и семья. Черный – это луна и ночь с мириадами звезд. Белый цвет – цвет пустоты. Знак того, что человек уже никогда не запачкает своих рук ни золой, ни землей. Белый – цвет смерти. Знак того, что человек закончил вращение жизненного колеса и больше уже никогда не родится вновь.

Тиран удивленно смотрел на девушку, но не мог даже поднять руку, чтобы защититься от удара – время для него текло так же медленно, как и для остальных. Чистая жемчужина вдруг поняла, что пред ней всего лишь человек, пусть и про-

живший бесконечный цикл жизней, но все же человек, который, понадеявшись на стражу, не потрудился даже защитить себя кольчугой. А может быть и не захотел, просто потому, что устал жить. Перехватив рукоять сабли, она с яростным криком бросилась вперед.

Чистая жемчужина знала, что вонзить саблю будет очень трудно. Поэтому инстинктивно направила лезвие вниз – в живот, вложив в удар всю силу. Затрещала ткань, что-то хрустнуло и капелька крови покатилась по полированной стали. Испугавшись, что одного удара недостаточно, она поспешила повернуть лезвие внутри и вытащила его, расслаивая рану как можно шире. В то же мгновение время пошло с обычной скоростью.

Император выдохнул, удивленно посмотрел на рану, а затем перевел взгляд на девушку.

– Белый танец окончен. – Прошептал он. – Время жизни тянулось так медленно, а Смерть оказалась так быстра.

– Император умирает! – воскликнул кто-то из стражников и резня прекратилась.

Побросав оружие, они сгрудились перед корчащимся в конвульсиях правителем.

– Она владеет временем. Пусть она... она... сопровождает меня. – Отдал тот последний приказ, перед тем, как испустить дух.

Чистая жемчужина взяла протянутый одним из стражников кинжал и опустилась на колени перед Императором.

* * *

Императора и Чистую жемчужину уложили в белые паланкины, которые один из жрецов отвез в горы. Там он укрыл тела в пещере, а после бросился со скалы, дабы навеки похоронить тайну их последнего прибежища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.